

Пьянка: Исследование социального производства опыта не-идентичности

Данная статья представляет собой злонамеренную попытку доказать, что периодическое употребление алкоголя в количествах, превышающих всякую разумную меру, не только морально вредно, но и морально полезно. Этой порочной цели предполагается достигнуть, реконструировав один из мотивов употребления спиртных напитков, в особенности преобладающий среди подростков, которым вскоре предстоит стать молодыми интеллектуалами. Любую часть этого текста лучше вообще не читать, но обзор литературы, включенный в его начало с коварным замыслом придать дальнейшему одиозному содержанию налет академической респектабельности, может быть пропущен с наименьшими издержками.

Обзор литературы

Исследователи алкоголя в социальных науках шли обычно по одному из двух скользких путей: на первый преимущественно ступали социологи, а на второй — социальные антропологи. Социологов привлекал, главным образом, алкоголизм (в первую очередь алкоголизм подростков и рабочего класса) и связанные с ним правонарушения, а также условия, которые способствовали распространению этой «социальной патологии». Десятилетия интенсивных исследований в этой области привели к тому, что большинство социологов научилось безошибочно распознавать в пьянстве реакцию доминируемых групп на отчуждение, невозможность контролировать свою жизнь, социальную изоляцию и другие ужасы поздних капиталистических обществ (Seeman, Seeman and Budros, 1988). В соответствии с этим объяснением, социальное неблагополучие вызывает острую тревогу, временное снижение которой и приносит — ценой прогрессирующей деградации индивида и коллектива — алкоголь.

Напротив, интерес антропологов, в основном, привлекал тот факт, что алкоголь может быть «интегрирован» в культуру таким образом, что самые высокие уровни его потребления не приводят

к проявлению комплекса симптомов, ассоциирующихся с алкоголизмом¹, и разрушению социальных отношений (Mandelbaum, 1965; Simmons, 1960). В целом, эта традиция предполагает более позитивное отношение к алкоголю, чем предыдущая. В последние два десятилетия, однако, появилось много обличительного свойства работ, указывавших на то, что функции, которые исполняет алкоголь в незападных культурах, сводятся обычно к тому, чтобы сделать упадок этих культур под западным влиянием незаметным и безболезненным — если не для носителей этих культур, то хотя бы для носителей западного влияния. Даже в обществах, которые, предположительно, хорошо интегрировали алкоголь — замечали критики, — его употребление влекло множество нежелательных, с точки зрения самих представителей этих обществ, следствий (Heath, 1987; Spicer, 1997). Таким образом, антропологи дрейфовали к той озабоченности социальными патологиями, которая была прежде свойственна социологам².

Однако еще до того, как началось эта конвергенция, оба направления исследований уже разделяли одну общую предпосылку. Эта предпосылка заключалась в том, что *функции* алкоголя, объясняющие его потребление, состоят в его немедленном воздействии на пьющего (снижение тревоги, преодоление застенчивости), в то время как все его отдаленные во времени эффекты представляет собой *дисфункции*. Такое понимание эффектов потребления спиртного преобладает в большинстве знакомых с ним обществ. Действительно, даже в культурах, в которых непосредственные эффекты алкоголя описываются в радужных тонах, существует значительная амбивалентность в отношении к нему, связанная с тем, что поступки пьяных имеют свойство наносить

---

¹ Например, антропологи, проводившие в таких культурах включенное наблюдение, авторитетно настаивают на том, что многолетнее ежедневное пьянство может не сопровождаться абстинентным синдромом (Heath, 1987).

² Конечно, потребление алкоголя не всегда интерпретировалось социологами как дисфункция. Обратное было бы странно для профессиональной группы, в которой трезвенники никогда не составляли большинства. Многие из них (особенно в те времена, когда способность чувствовать себя невинной жертвой постиндустриального общества еще не считалось важной профессиональной квалификацией, а умение рассчитывать критерий Хи-квадрат вручную, наоборот, считалось) находили для самих себя лазейку в том, что вводили в том или ином виде оппозицию между «социальным» и «модифицирующим реальность» употреблением алкоголя, где первому члену этой оппозиции приписывались позитивные функции типа преодоления застенчивости у подростков или участников ритуалов и церемоний (Mulford and Miller, 1961). Однако, этим аспектам существования алкоголя в обществе, как социально-непроблематичным, всегда уделялось значительно меньше внимания, чем его разрушительным сторонам.

вред их социальному «лицу»³ Именно по этой причине социальные нормы обычно ограничивают употребление алкоголя теми, чье «лицо» признается особенно ценным (Mandelbaum, 1965)⁴.

Эта статья вписывается во вторую из перечисленных линий, антропологически-функционалистскую, несмотря на то, что имеет дело с материалом нашей собственной (суб)культуры. Она отличается, однако, от большинства принадлежащих к этой линии работ в том смысле, что ее автор надеется разглядеть функции алкоголя как раз в тех эффектах, которые обычно рассматриваются как интерактивная плата за временное снятие напряжения. Речь идет о потере «лица», с очень большими шансами следующей за попаданием спирта в кровь, и о тех моральных следствиях, которые эта потеря имеет для людей, вынужденных в дальнейшем перманентно смотреть в глаза свидетелям своего падения.

Социальные функции алкоголя

Несмотря на то, что симптомы алкогольного опьянения и паттерны нетрезвого поведения до некоторой степени варьируются в разных культурах, эти различия относятся лишь к области статистических частот. Некоторые привычные для других обществ картины пьяных безобразий кажутся нам не совсем обычными, однако продолжают вполне распознаваться в качестве таковых. Примерами могут служить: выходы пьяных из запотекских деревень в Мексике, известных своей склонностью появляться на главной улице, выкрикивая оскорбления в адрес всех встречных и в особенности наиболее могущественных и уважаемых членов сообщества; поведение пьяных из Басконии, отпра-

---

³ «Лицо», «идентичность», «репутация» и Self употребляются в этом тексте как взаимозаменяемые термины, обозначая совокупность информации об индивиде, доступной, как ему твердо известно, другим людям (Goffman, 1974)

⁴ Мандельбаум в первом большом кросс-культурном обзоре употреблений алкоголя указывал, что не существует обществ, в которых священнослужители, официальные лица и прочие работники церемониального труда имели бы больше привилегий в этой области, чем другие социальные группы. Напротив, почти везде их злоупотребления спиртным караются строже (Mandelbaum, 1965). Также, хотя, возможно, и по другим причинам, не существует обществ, в которых женщины употребляли бы больше алкоголя, чем мужчины. Интересно, что увлечение «тихими» видами опьяняющих веществ, физиологические эффекты которых делают экстравагантности маловероятными, часто является преимущественно женским атрибутом. Опийные препараты в Европе девятнадцатого и начала двадцатого веков, а барбитураты — повсеместно с момента их открытия — являются хорошим примером.

ляющихся взыскивать старые долги; или быстрое погружение пьяных алеутов в молчаливый ступор, незаметно переходящий в тревожный сон. Особенно привлекали внимание наблюдателей различия в частоте агрессивного поведения, которое варьировалось от практически неизбежно следующего за приемом каждой порции алкоголя до крайне редкого, однако нигде не бывает ни обязательным, ни совершенно невозможным.

Другие формы нетрезвого поведения замечательно постоянны. Пение и танцы выглядят весьма частыми, если не почти универсальными практиками, сопутствующими алкоголю. Некоторая фамильярность и ослабление статусных барьеров, а также снятие части этикетных запретов в отношениях между полами распространены повсеместно⁵. Мы можем легко подвести под эти типичные сдвиги в формах взаимодействия общий знаменатель, который напрямую связан с физиологическими механизмами воздействия этилового спирта⁶. Самое существенное то, что эти универсальные эффекты отражают, — некоторая потеря способности или склонности к оценке вероятных последствий своих поступков. Эта потеря в первую очередь затрагивает нашу обычную озабоченность тем, как наши действия отразятся на нашей репутации. Соответственно, она снижает способность к координации совместных действий по сохранению как своей собственной идентичности, так и идентичностей всех присутству-

---

⁵ Так же распространена состязательность — непреодолимое стремление вовлечь в соревнование по части количества выпитого всех присутствующих. Люди из многих обществ увидят что-то знакомое в описании того, как перуанские родители заблаговременно отправляют детей к родственникам перед приходом гостей, чтобы лишиться себя возможности вовлечь своих отпрысков в то, в чем им не стоит — с точки зрения трезвых Я их родителей — принимать участие (Simmons, 1960)

⁶ Кросс-культурная универсальность служит аргументом в пользу того, что социальные эффекты употребления C_2H_5OH в значительной степени объясняются свойствами биохимических реакций. Здесь, однако, следует сделать оговорку. Это единообразие существует лишь на уровне эволюционировавших на протяжении долгого времени в разных сообществах интерпретаций опьянения и моделей нетрезвого поведения. Культуры приходят к более-менее одинаковым выводам по поводу того, как могут вести себя пьяные. Отдельные индивиды, однако, не обязательно придут к тем же заключениям, если им вдруг представится случай начать отношения с алкоголем с чистого листа, как с субстанции, о свойствах которой они не имеют никакого представления. Вот другой умозрительный пример: кто-то, кому без его ведома была бы введена значительная доза алкоголя, скорее всего, припишет изменения в своем внутреннем состоянии внезапному заболеванию — и действия его будут в связи с этим сильно отличаться от действий, характеризующих «пьяного» в его культуре. Эти рассуждения обязаны своим появлением классической статье Беккера (Becker, 1953).

ющих. С точки зрения трезвых, пьяные вопиюще неуклюжи в своих отношениях с окружающими (взять хотя бы пьяные ухаживания) и вопиюще бесстыдны в своем безразличии к тому обстоятельству, что предстают таковыми в глазах трезвых. Кросс-культурные константы пьяного поведения очерчивают в первую очередь те области социального взаимодействия, в которых соображения *face-work* повсеместно играют наиболее важную роль в трезвой жизни.

Именно за счет приближения горизонта предугадываемых событий происходит то снижение тревожности, которое обычно упоминается в качестве основной цели употребления алкоголя. Меньшая озабоченность сохранением собственной репутации и репутаций присутствующих открывает простор для вступления во взаимоотношения, которые иначе не были бы возможны. Пьяные говорят на темы, избегаемые в трезвом виде, поскольку они ставят под сомнение характер обсуждающих; выражают эстетические или политические аффекты, демонстрация которых в трезвом состоянии проблематична из-за опасения потери статуса культурного и благонадежного субъекта; наконец, они более или менее незамаскированно стремятся увидеть, как собутыльники теряют свое лицо, роняя его в салат. Алкоголь сужает нейтральные полосы вежливого отстранения, отделяющие одно Я от другого.

Это свойство спиртного может использоваться — и часто используется — стратегически. Совместное употребление алкоголя сродни обоюдному разоружению двух сверхдержав. Обе стороны в нем согласованно ставят себя в положении большей незащитности, чтобы избежать издержек гонки вооружений. Юноша и девушка пьют вместе, чтобы помочь друг другу временно закрыть глаза на соображения интерактивной безопасности, не позволяющие сосредоточиться на романтической стороне происходящего⁷. Следующее утро, однако, возвращает все на свои места, и ставит участников пьянки перед фактами ущерба, который каждый из них нанес своему «лицу» накануне — словами, которых не следовало говорить, неуклюжестями, которых не следовало допускать, и предложениями, которых не следовало делать или принимать.

Некоторые — как юноша и девушка из предыдущего абзаца, или пара коллег, которым, наконец, удалось поговорить по душам после длительного периода офисных формальностей — могут найти потери вполне оправданными, особенно если новые отношения, в которые им накануне удалось вступить, предпочтительнее предыдущих. Зна-

---

⁷ Такая стратегия, конечно, потребует больших вливаний там, где распространена практика предъявления обвинений в сексуальных домогательствах.

чительно чаще, однако, издержки не окупаются, и ущерб репутации никак не компенсируется выигрышем в социальной близости. Целая мифология о пьянстве, любимым героем которой является застенчивый юноша, становящийся после двух рюмок совершенно другим человеком, используется для того, чтобы хоть частично ослабить моральные последствия пьяных эскапад: с ее помощью все сказанное и сделанное может быть дезавуировано со ссылками на то, что провинившийся «был не в себе». На такой фольклор, однако, ссылаются значительно чаще, чем верят в него.

Даже там, где алкоголь признается «хорошо интегрированным» в культуру как ее членами, так и заезжими антропологами, и все они сходятся на том, что и индивиды и общество в целом выигрывают от его потребления, мало кто решается отрицать, что на долю индивидов неизбежно выпадают также немалые моральные издержки, от которых они потом страдают так же, как страдают от похмелья. Так, хотя мы и можем предположить, что широкое оглашение мексиканским пьяным постыдных деталей жизни деревенской элиты может иметь позитивные в целом следствия для жизни сообщества (обеспечивая своеобразный канал публичной коммуникации для критики и предъявления претензий, озвучить которые иначе было бы весьма затруднительно)⁸, оно явно не облегчает дальнейшую жизнь протрезвевшего правдолюбца. Даже в обществах, в которых существует богатый фольклор о целебных свойствах алкоголя и его в целом благотворном воздействии, высокая вероятность совершения чего-то постыдного в пьяном виде заставляет определять пьянку как чреватое почти неизбежным последующим стыдом мероприятие, и ограждать от нее тех, чье лицо по разным причинам больше других нуждается в защите.

В этой статье предлагается другой взгляд на эффект «следующего утра». В соответствии с ним, нанесение урона идентичностям пьющих является важной функцией употребления алкоголя, от исполнения которой выигрывают в первую очередь как раз те, чья идентичность пострадала. Далее доказывается, что моральные последствия пребывания на людях в пьяном виде, которые обычно рассматриваются как важный аргумент против употребления алкоголя, в действительности в некоторых биографических ситуациях являются едва ли не решающим доводом «за» его употребление. Говоря словами Гоффмана, пьянка представляет собой одно из «аморальных искусств бесстыдства»,

---

⁸ Такова интерпретация, которую дает этому театру политической нетрезвости Филип Деннис (Dennis, 1975).

овладение которыми есть необходимая часть адаптации к социальной жизни. После короткой (насколько это доступно автору) интерлюдии, посвященной вкладу Гоффмана в развитие теории идентичности, мы продолжим рассмотрение этой темы.

Аморальные искусства бесстыдства

Self, под разными его именами, было одной из любимых Гоффманом тем. Более чем кто бы то ни было другой из социальных теоретиков, Гоффман исследовал ту фундаментальную двойственность, которая существует в отношениях между человеческими существами и их социальными «лицами». С одной стороны, драматургический подход, ассоциирующийся с именем Гоффмана, заостряет внимание на аналогии между социальными и сценическими ролями и на том, что исполнение как тех, так и других требует некоторой внутренней дистанции от них (Goffman, 1959). С другой стороны, искренняя эмоциональная привязанность к своему «лицу» есть необходимое свойство всякого социализированного индивида. Вопреки тому, что о нем часто думают, Гоффман никогда не был апологетом тотального лицемерия. Он был, однако, озабочен ситуациями, когда эмоциональная привязанность к своей идентичности становится ресурсом для осуществления насилия. В этом случае он рассматривал частичный разрыв эмоциональной связи со своим Self как своеобразное право на восстание. Гоффман вплотную подошел к исследованию этой темы, когда писал о тотальных институтах (Goffman, 1961).

Наша идентичность не есть исключительно наше собственное произведение. Она представляет собой результат совместных со всеми окружающими людьми действий. Любая презентация себя требует постоянной поддержки со стороны аудитории, которая должна согласиться закрывать глаза на то, что противоречит выбранному нами образу и помогать с обеспечением реквизита для его поддержания (взять хотя бы общими усилиями производящуюся приватность туалетных комнат, позволяющую членам респектабельного общества сохранять видимость собственной бестелесности за их пределами). Соответственно, наше отношение к нашему «лицу» неизбежно двойственно. С одной стороны, мы относимся к нему как к части нас самих (в каком-то смысле мы обычно не сомневаемся, что оно *и есть* мы — поэтому нас не удивляет боль, которую мы испытываем, когда ему был нанесен ущерб). С другой стороны, ради того, чтобы практически справляться с задачей его поддержания, нам нужно ощущать его искусственность и изменчивость и постоянно осознавать то обстоятельство, что в созда-

нии нашей идентичности, кроме нас самих, задействовано множество окружающих людей.

В обычном повседневном взаимодействии поддержание идентичностей всех вовлеченных в него есть результат их добровольного сотрудничества (Goffman, 1967). Воспитанные взрослые в нашем обществе не замечают оговорки или отрывок друг друга, если только допустившие эти оплошности сами не привлекают к ним внимание, вежливо смеются над несмешными анекдотами и отвечают улыбками на улыбки. Существует, однако, категория организаций, названных Гоффманом «тотальными институтами», правила которых предписывают их персоналу гораздо менее дружественную манеру обращения с идентичностями тех, кто попадает в их стены (Goffman, 1961b)⁹. Как правило, такие учреждения ставят своей официальной целью переработать поступающий в них человеческий материал в нечто более совершенное.

Этой перековки предполагается достичь за счет снабжения узников тотальных институтов радикально новой идентичностью, необходимым элементом изготовления которой является целенаправленного уничтожение их прежнего Self. С первой минуты пребывания в тюрьме, психиатрической лечебнице или казарме их обитатели подвергаются унижительным ритуалам. Им отказывают в личном пространстве, отнимают у них вещи, одежду, прическу, растительность на лице и даже имена. По замыслу создателей, эти действия должны превратить подопечных указанных учреждений — в их собственных глазах — в часть анонимной массы, нечто бесформенное, на чем затем может быть отчеканен совершенно новый образ. Этот образ, однако, редко удается окончательно зафиксировать с первого раза, так что институт вынужден на протяжении длительных периодов (средний срок пребывания в подобном учреждении составляет несколько лет) много раз начинать кристаллизовать идентичности своих узников, затем вновь разрушать их — и опять начинать писать с чистого листа.

Такого рода моральная хирургия часто производит неожиданный побочный эффект, завершаясь не только преобразованием идентичности, но и изменением отношения к ней. Словами Гоффмана, заключенные в «тотальные институты», наблюдая за тем, как преобразуется в руках тюремщиков их Self, выучивают «аморальные искусства бесстыдства». Их связь с собственным «лицом» ослабевает, и нанесенный ему ущерб

---

⁹ Гоффман перечисляет несколько категорий организаций, лучше всего укладывающихся в понятие «тотального института»: тюрьмы и концлагеря, закрытые больницы (в особенности психиатрические), закрытые учебные заведения, казармы, монастыри.

больше не превращается в их собственные кровоточащие раны. Их репутация теряет для них значение продолжения их тела и превращается в подобие одежды, которую можно снять и отдать в химчистку. Слишком бесцеремонные попытки придать заключенным новое виденье себя и управлять ими с помощью стыда и гордости, которые подразумевает это виденье, влечет за собой противоположные последствия — стыд и гордость вообще теряют часть своей силы¹⁰.

Увиденные в таком контексте «аморальные искусства бесстыдства» кажутся каким-то экзотическим и необычным мастерством, овладение которым оплачивается ценой запредельных страданий. На самом деле, однако, они представляют собой нечто весьма обыденное. Каждый из нас должен до какой-то степени овладеть ими, чтобы выжить среди других людей. Несколько архаично-функционалистских соображений не кажутся здесь неуместными. Постольку, поскольку общество в целом заинтересовано в успешном исполнении социальных ролей, оно заинтересовано и в поддержании в своих членах баланса между тотальной поглощенностью своей идентичностью и полной отстраненностью от нее. Индивид, который вовсе не будет озабочен изменениями в своем Self, не станет утруждать себя исполнением обязательств, которые другие желали бы на него возложить. Индивид, который не будет озабочен ничем, кроме них, с ними, в конечном итоге, не справится. За десятилетия до того, как проблемы, связанные с невозможностью сосредоточиться на чем бы то ни было, кроме изменениях в собственном Self, получили в психоанализе название «нарциссических личностных расстройств», Дюркгейм охарактеризовал их точнее, чем кто бы то ни было другой, в своем описании причин эгоистического самоубийства:

«Рефлексия <...> несет в себе нечто личное и эгоистическое; она возможна лишь постольку, поскольку индивид отстраняется от внешнего мира и уходит в себя, и чем она интенсивнее, тем более закон-

---

¹⁰ Лагерные мемуары, воспоминания узников казарм и пациентов домов скорби часто содержат одну важную тему, которая имеет прямое отношение к нашему исследованию. Те, кто пережил наиболее жестокие унижения, часто указывали на новые качества восприятия, не всегда чисто негативного свойства, которые были ими приобретены. Состояние полной растерянности и навязанной безответственности, в которые тотальный институт обычно погружает свои жертвы, часто сопровождается нарастанием яркости восприятия, придающей всему происходящему оттенок, сходный с воспоминаниями детства. Удовлетворение от работы каменщика, которое Иван Денисович получал в лагере, было, возможно, гораздо интенсивнее, чем то, которое он получил бы от него на свободе — не только потому, что на свободе у него было бы больше радостей, но и потому, что обыкновенный тяжелый труд имел бы там совершенное иное значение.

ченно это отстранение... Поэтому человек, чья активность полностью сосредоточена на внутренней медитации, становится нечувствителен ко всему, что его окружает. Если он любит, то не для того, чтобы отдаться любви целиком и полностью слиться с любимым существом, но чтобы размышлять о своем чувстве. Его чувства — не более, чем бесплодная видимость... Его сосредоточенность на себе создает пустоту внутри так же, как она создает ее снаружи, и, в конечном счете, не оставляет себе самой никакой другой пищи, кроме размышлений о собственном несчастье» (Durkheim, 1967: 279—280).

Ощущение некоторой условности, произвольности, несерьезности Self есть, вероятно, основное средство от патологической сосредоточенности на нем. Будучи столь важным для социального воспроизводства, поддержание этого ощущения не может быть возложено исключительно на самих индивидов. Поэтому наравне с институтами, укрепляющими связь каждого из нас с нашим собственным лицом, существуют институты, которые так или иначе эту связь ослабляют.

Психотерапия в глазах многих интерпретаторов играет именно эту роль, сталкивая индивида с видением его самого, которое — как в случае с психоаналитической моделью — достаточно последовательно и достаточно абсурдно, чтобы быть внутренне отвергнутым, не будучи опровергнутым. Создавая идентичность, которую клиент не может принять, аналитик оставляет его перед фактом, что он является чем-то, чего сам не может себе представить. Иными словами, клиент в этой ситуации приобретает опыт не-идентичности¹¹. Функции психотерапии заключаются не в том, что она снабжает невротиков новым Self (как то предполагал Кохут и многие другие), а в том, что она ослабляет их эмоциональную зависимость от того Self, которое им уже случилось иметь¹².

Однако кабинеты психотерапевтов, тюрьмы и казармы — не единственные учреждения, которые берут на себя эту роль. Большинство личностных вариаций в отношении к Self невозможно объяснить опытом пребывания в тотальных институтах или усилиями психоло-

---

¹¹ Под «не-идентичностью» я понимаю переживание того, что всякое определение, которое мы в состоянии самим себе дать, ни на что не годится. Воспользовавшись термином Макинтайра, можно сказать, что «не-идентичность» есть интенсивный опыт обладания «полым Я» (MacIntyre, 1981). Термин, хотя и не в точном его значении, заимствован из интерперсональной теории Салливана (Салливан, 1999).

¹² К сходным выводам пришел Алан Уоттс, уподобивший фрейдистский психоанализ дээнским размышлениям над абсурдными коанами (Уоттс, 1997). Первым такую интерпретацию, насколько мне известно, предложил Кеннет Берк (Burke, 1984).

гов. Многие люди овладевают аморальными искусствами бесстыдства, не заплатив за это так дорого; другие же не получают ничего, даже заплатив. В этом эссе делается попытка доказать, что коллективные празднества, сопровождаемые потреблением спиртного, являются другим, значительно более приятным способом приобщиться к этим искусствам. И здесь мы запоздало возвращаемся к основной сюжетной линии настоящего эссе.

Поиск не-идентичности как жанр жизни

Пьянка представляет собой классический образец приключения, как его определял Зиммель — относительно четко ограниченный с обеих сторон временной отрезок, начинающийся с приема алкоголя внутрь и заканчивающийся с прекращением его действия, события которого вырваны из общего биографического контекста, но при этом доводят до предельного развития некоторые темы, этому контексту имманентно присущие (Зиммель, 1996). Физиологический эффект алкоголя, который делает возможным его употребление в целях генерации подобных событий, заключается, как упоминалось выше, в его способности изменять субъективный горизонт воспринимаемых вероятностей, тем самым превращая пьянку во временной этап со своей собственной социальной оптикой. Центральный сюжет для всего повествовательного жанра историй о пьяных приключениях — жанра, который является как способом описания подобного опыта, так и принципом его организации — есть внутреннее изменение, в результате которого человек становится не совсем собой, будучи при этом более подлинным, более настоящим, чем в обыденной трезвой жизни. То, что происходит во время пьянки, есть испытание характера (*character contest*), обнаруживающее в глазах ее участников, кто есть кто, или, вернее, кто не есть то, что подразумевает его утвердившаяся репутация, и кем он помимо этой репутации является.

Пьянка имеет и многие другие черты приключения (того его типа, для которого Гоффман использовал термин “*action*”) — непредсказуемость и судьбоносность (Goffman, 1961a; Goffman, 1967). То, что произойдет в течение нескольких часов, следующих за приемом алкоголя, значительно сложнее предвидеть, чем то, что обычно происходит за аналогичный отрезок трезвой жизни. Более того, среди этих неожиданных событий значительно выше концентрация имеющих далеко идущие последствия, чем это в целом свойственно биографии члена нашего общества. Увечья, полученные в пьяном виде, правонарушения, завершившиеся арестом и появлением криминальных эпизодов

в биографии правонарушителя, начатые и законченные отношения могут служить примерам всего этого. Прием большой дозы алкоголя всегда подразумевает неясность в том, где, с кем и кем в глазах окружающих нас людей мы проснемся на следующее утро. Моральный статус участников пьянки находится под угрозой быстрого, радикального и необратимого изменения.

Этот опыт открыто противоречит другому, в соответствии с которым наша нынешняя идентичность есть прочная, надежная вещь, которая, в сущности, является точным отображением нас самих и от которой нам никуда не деться. Он демонстрирует нам, что постоянство нашего «лица» объясняется не более чем постоянством стратегических соображений, которые приводят нас к одним и тем же равновесным точкам в отношениях с другими людьми, и, соответственно, к сохранению своего морального статуса. Вне зависимости от того, нравится нам или нет наша нынешняя идентичность, структура социальных возможностей — в том виде, в каком мы ее воспринимаем, когда мы трезвы, — не оставляет нам шанса приобрести другую. Сокращение горизонта в восприятии пьяного, однако, изменяет структуру возможностей и приводит к поступкам, которые его трезвое Я сочло бы проигрышной стратегией — пьяное хвастовство или переоценка своих физических сил могут служить двумя подходящими примерами. Эти изменения в выборе стратегий часто приводят к фатальным ошибкам¹³, но их основной эффект заключается в демонстрации протрезвевшему Я той простой истины, что оно является чем-то за пределами собственного воображения. Пьянка порождает опыт не-идентичности.

Достижение такого состояния само по себе может быть — и часто бывает — основным мотивом потребления алкоголя. В свете такого идеально-типического стремления становится понятным многое в дизайне пьянок, который предпочитают молодые люди старшего школьного и младшего институтского возраста. Прежде всего получает объяснение сам факт того, что коллективные употребления алкоголя

---

¹³ Интересно заметить, однако, что они часто *не* приводят к таким ошибкам, и даже наоборот, отказ от части вычислительных мощностей нашего ума способствует решению задач, которые, в противном случае, не были бы решены. Пьяные часто становятся жертвами переоценки своих физических сил, однако каждый обладатель приличного алкогольного опыта может припомнить множество эпизодов, когда он делал вещи, которые в трезвом виде был бы не в состоянии сделать. Узкие карнизы, по которым проходят пьяные, были бы для трезвых непреодолимым препятствием, поскольку неспособность оценить исходящую от них угрозу является одним из главных условий их преодоления. То же самое часто касается социальных отношений.

среди этой возрастной группы обычно организованы таким образом, чтобы максимизировать вероятный ущерб репутации тех, кто принял в них участие. Комфортная обстановка интересует ее представителей лишь постольку, поскольку ей можно нанести ущерб. Квартирам они уверенно предпочитают не предназначенные для таких предприятий места, от крыш до школьных классов в ночное время, делающие все событие рискованным, и в особенности рискованным морально. Характерно, что особенно благодатную почву для пьянок предоставляют всевозможные институциональные церемонии, наподобие выпускных вечеров или заключительных фуршетов, закрывающих летние школы. Если я прав, то их секрет заключается в том, что они, как правило, происходят после того, как практические взаимозависимости, связывавшие их участников, распадаются, и те могут позволить себе понести моральные потери, не подвергаясь непосредственному риску организационных или финансовых потерь.

Этот тип мотивации предполагает своеобразный паттерн потребления алкоголя — сравнительно редкого, но каждый раз чрезмерного. Умеренное количество выпитого не предоставляет возможности сойти с обычных рельс, а слишком частое — не дает возможности оценить эффекты со стороны¹⁴. Действительно, настоящая жизнь пьянки начинается на следующее утро — не тогда, когда ее переживают, а тогда, когда о ней рассказывают. Она, возможно, более, чем какой-либо еще из типов интеракции (за исключением разве что романтических отношений), имеет прямое литературное соответствие в произведениях жанра, достигающего своих вершин у Гашека, Ерофеева и Довлатова. Успешность пьянки оценивается с точки зрения литературных стандартов, и более, чем какой-либо иной вид событий, она изменяет свое качество на следующее утро так, что именно самые неприятные вечера, полные травм, постыдных оплошностей и попаданий в вытрезвители, превращаются в лучшие истории.

Описанный в этой статье тип мотивации преобладает в подростковом возрасте и затем сходит на нет по мере того, как происходит

---

¹⁴ Обычно предполагается, что частота употребления алкоголя и количество выпиваемого за один прием нарастают вместе, так, что даже Владимир Ядов, апостол однозначных вопросов, в качестве примера пункта для шкалы Терстоуна в своем учебнике приводит фразу «Я напиваюсь практически ежедневно, и обычно до бесчувственного состояния» (правда, он приводит ее как пример неудачной формулировки, но по совсем другим причинам). Герои этого эссе испытали бы некоторые сложности с ответом на такой вопрос, особенно если бы предыдущие пункты шкалы не предполагали возможности ослабить первую часть фразы, не ослабляя вторую.

несколько важных изменений. Во-первых, люди постепенно изучают привычки своего пьяного Я и пьяных Я окружающих их людей в достаточной степени, чтобы делаемые ими на следующее утро открытия становились все менее ошеломляющими¹⁵. Во-вторых, соответствующие возрасту изменения в социальном статусе устроены таким образом, что большинство успешных людей обнаруживают, что их моральная карьера все плотнее переплетена с их профессиональной карьерой, и что один неправильный шаг может перечеркнуть все больше результатов их трудов. Выпускные вечера снижают социальные риски столкнуться с последствиями изменения своей репутации для школьников, уходящих из школы навсегда, в куда большей степени, чем для учителей, остающихся в ней, а для студентов — в большей степени, чем для преподавателей¹⁶.

Из всего сказанного выше можно было бы извлечь несколько вполне приемлемых гипотез — «чем чаще индивид напивается до бесчувствия и попадает в разные неприятные истории в младшем студенческом возрасте, тем меньше его шансы в дальнейшем оказаться источником дохода для психотерапевта, специализирующегося на нарциссических расстройствах» — если бы не масса оговорок, которые могут быть сделаны, если гипотеза не подтвердится. Пьянка — не единственный из предметов, который изучают студенты факультетов бесстыдства. Более того, возможно, само настойчивое обращение к ней свидетельствует о предрасположенности к болезни, от которой она служит лекарством — болезни, для самостоятельной диагностики которой у нас нет никаких инструментов. Одним словом, единственное, что читатель может из этой статьи извлечь — удобная рационализация собственных излишеств, которая, я надеюсь, пригодится ему, как много раз пригодилась автору.

---

¹⁵ Что подвигает некоторых к потреблению наркотиков, частично восстанавливающих свежесть ощущений. Чрезвычайно интересны в этом плане самоотчеты людей, сообщавших, что, например галлюциногены, при всем различии физиологического механизма действия, оказывают в возрасте двадцати пяти лет эффект, очень сходный с тем, который алкоголь оказывает в пятнадцать.

¹⁶ Очевидно, что здесь существуют еще и классовые различия. Обычные занятия профессионалов среднего класса связывают их с их собственной биографией гораздо более прочными узлами, чем связаны с ней, например, неквалифицированные рабочие (Goffman, 1974).

Литература

- Зиммель, Георг. (1996) «Приключение» // Георг Зиммель. Избранное. Созерцание жизни. Москва: Юрист. Т. 2. С. 212–227.
- Салливан, Гарри Стэк. (1999). Интерперсональная теория в психиатрии. Москва: КСП+, СПб: Ювента.
- Уотс, Алан. (1997) Психотерапия Востока и Запада. Москва: Весь мир.
- Becker, Howard. (1953) 'Becoming a Marijuana User.' *American Journal of Sociology*: 59: 235–242.
- Burke, Kenneth. (1984) *Permanence and Change: An Anatomy of Purpose*. Berkley: University of California Press.
- Dennis, Philip. (1975) 'The Role of the Drunk in a Oaxacan Village.' *American Anthropologist*, 77(4): 856–863.
- Durkheim, Emile. (1951) *Suicide: A Study in Sociology*. N.Y.: The Free Press.
- Goffman, Erving. (1961a) *Encounters; Two Studies in the Sociology of Interaction*. Indianapolis: Bobbs-Merrill.
- Goffman, Erving. (1961b) *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. New York: Doubleday Anchor.
- Goffman, Erving. (1967) *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*. New York: Doubleday Anchor.
- Goffman, Erving. (1974) *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York : J. Aronson.
- Heath, Dwight. (1987) 'Anthropology and Alcohol Studies: Current Issues.' *Annual Review of Anthropology*, 16: 99–120.
- Mandelbaum, David. (1965) 'Alcohol and Culture.' *Current Anthropology*, 6(3): 281–293.
- McIntyre, Alasdair. (1981) *After Virtue: A Study of Moral Theory*. Notre Damme, Id: Notre Damme University Press.
- Mulford, Harold and Donald Miller. (1961) 'An Index of Alcoholic Drinking Behavior Related to Meaning of Alcohol.' *Journal of Health and Social Behavior*, 2(1): 26-41.
- Seeman, Melvin, Alice Seeman and Art Budros. (1988) 'Powerlessness, Work and Community: A Longitudinal Study of Alienation and Alcohol Use.' *Journal of Health and Social Behavior*, 29(3): 187–198.
- Simmons, Ozzie. (1960) 'Ambivalence and the Learning of Drinking Behavior in a Peruvian Community.' *American Anthropologist*, 62(6): 1018–1027.
- Spicer, Paul. (1997) 'Towards (Dys)Functional Anthropology of Drinking: Ambivalence and American Indians Experience with Alcohol'. *Medical Anthropology Quarterly*, 11(3): 306–323.